

Научная статья
УДК 343.141
doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-98-104

Екатерина Сергеевна Переверзева

кандидат экономических наук

<https://orcid.org/0000-0002-0062-1881>, katkatrin200@mail.com

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Андрей Васильевич Комов

<https://orcid.org/0000-0001-6388-389X>, kotoff.andrei2017@yandex.ru

*УМВД России по Курской области
Российская Федерация, 305000, Курск, ул. С. Саровского, д. 2*

Особенности предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в виде компьютерных следов органу предварительного расследования по экономическим преступлениям

Аннотация: В последнее десятилетие наблюдается значительный рост преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, что требует проработать новый теоретический подход в понимании механизма слеодообразования виртуальных следов. По вышеуказанным причинам особую актуальность при выявлении, раскрытии и расследовании экономических преступлений приобретают компьютерные следы, специальные познания об особенностях которых могут повлечь уничтожение, повреждение или изменение имеющейся на них информации. В период 2010–2020 гг. количество преступлений, совершенных с использованием высоких технологий, выросло более чем в 35 раз при одновременном снижении количества совершённых экономических преступлений (на 162 %). Анализ этих статистических данных и причин, тому способствовавших, даёт возможность установить взаимосвязь между количественными изменениями совершённых экономических преступлений и преступлений, совершенных с использованием высоких технологий. В статье раскрыты наметившиеся тенденции развития экономической преступности в условиях компьютеризации общественных отношений, рассмотрена роль результатов оперативно-розыскной деятельности в виде компьютерных следов в процессе доказывания и особенности их предоставления с учётом устоявшейся судебной практики в зависимости от особенностей регионов.

Авторы приходят к выводу, что в настоящее время сформировалась устойчивая позиция, согласно которой результаты оперативно-розыскной деятельности сами по себе не являются доказательствами, а становятся таковыми лишь после придания им уголовно-процессуального статуса посредством производства следственных действий, и что необходимо внесение изменений в действующий совместный приказ, регламентирующий порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: компьютерные следы, экономические преступления, киберпреступность, слеодообразование, криминалистическое обеспечение.

Для цитирования: Переверзева Е. С., Комов А. В. Особенности предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в виде компьютерных следов органу предварительного расследования по экономическим преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 98–104; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-98-104.

Ekaterina S. Pereverzeva

Cand. Sci. (Econ.)

<https://orcid.org/0000-0002-0062-1881>, katkatrin200@mail.com

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Andrey V. Komov

<https://orcid.org/0000-0001-6388-389X>, komoff.andrei2017@yandex.ru

UMVD of Russia across Kursk region
2, str. S. Sarovskogo, Kursk, 305000, Russian Federation

Features of providing the results of operational search activities in the form of materialized digital traces to the body of preliminary investigation of economic crimes

Abstract: Over the past decade, there has been a significant increase in crimes committed using high technologies, which requires working out a new theoretical approach to understanding the mechanism of the formation of virtual traces. For the above reasons, computer traces acquire special relevance in the identification, disclosure and investigation of economic crimes, special knowledge about the features of which may entail the destruction, damage or modification of the information available on them. In the period from 2010 to 2020, the number of crimes committed using high technologies increased by more than 35 times, while the number of economic crimes committed decreased (by 162%). In the course of a detailed analysis of statistical data and the reasons that contributed to this, it is possible to establish a relationship between quantitative changes in economic crimes committed and crimes committed with the use of high technologies. The article reveals the emerging trends in the development of economic crime in the conditions of computerization of public relations, examines the role of the results of operational investigative activities in the form of computer traces in the process of proving and the specifics of their provision, taking into account established judicial practice, depending on the characteristics of the regions.

The authors come to the conclusion that at present a stable position has been formed, according to which the results of operational-search activity in themselves are not evidence, but become such only after they have been given criminal procedural status through the production of investigative actions, and that it is necessary to amend the current a joint Order regulating the procedure for presenting the results of operational-search activities;

Keywords: computer traces, economic crimes, cybercrime, trace formation, forensic support.

For citation: Pereverzeva E. S., Komov A. V. Features of providing the results of operational search activities in the form of materialized digital traces to the body of preliminary investigation of economic crimes // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3. (95). – P. 98–104; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-98-104.

О значимости обеспечения экономической безопасности в системе национальной безопасности любой страны проведено сотни исследований, что не может не подчеркивать важность изучения особенностей противодействия экономическим преступлениям. В своём выступлении 12 января 2021 года глава МВД России В. А. Колокольцев указал на необходимость укрепления позиций в противодействии экономической преступности¹.

В январе-октябре 2020 года сотрудниками МВД России было выявлено 96,1 тыс. преступлений (по 86,3 тыс. преступлений вследствие обязательно), за аналогичный период 2019 года было выявлено 97,1 тыс. преступлений (по 86,8 тыс. преступлений вследствие обязательно). При аналогичном сравнении 2019 и 2018 годов также

следует, что произошло снижение выявленных преступлений экономической направленности (с 109,5 тыс. до 104,9 тыс.)².

При этом стоит обратить внимание на одно обстоятельство – на рост процентного содержания в общей структуре преступлений экономической направленности тех, по которым следствие обязательно. Так в 2018 году их соотношение составляло 88,8 %, в 2020 году – 89,8 %. Ряд экспертов связывает этот рост со скачкообразностью развития преступности в целом и в сфере экономики в частности. Однако нужно учесть, что в 2020 году по сравнению с 2019-м произошел резкий рост (на 75,1 %) преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий, применение которых в последнее десятилетие активно внедряется в экономическую сферу страны

¹ Владимир Александрович Колокольцев: Рост тяжкой преступности в России обусловлен увеличением числа киберпреступлений [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – 2021. – 12 янв. – URL: <https://www.mvd.rf/speech/item/22548863> (дата обращения: 07.05.2022).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–октябрь 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – 2020. – 23 нояб. – Режим доступа: <https://mvd.rf/reports/item/21933965> (дата обращения: 07.05.2022).

(национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», федеральный проект «Цифровые технологии», федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»)³. Руководителем лаборатории компьютерной криминалистики международной компании Group-IB Валерием Баулиным также отмечалось, что количество экономических преступлений в Российской Федерации в последующие периоды возрастёт, и одним из факторов такого роста названо использование высоких технологий. Поэтому можно сделать вывод не о временном скачкообразном изменении экономической преступности в Российской Федерации, а о её усложнении и увеличении числа тяжких преступлений в связи с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Этим будет объясняться и рост тяжести данного рода преступлений (возросло также количество экономических преступлений, совершаемых в составе организованных преступных групп и группой лиц по предварительному сговору), а также общее снижение числа выявленных таких преступлений на фоне неэффективного снижения и эффективно проводимых профилактических мероприятий, а усложнения их выявления и документирования.

Специфика экономической преступности заключается в том, что главенствующее положение по отношению к раскрытию имеет выявление. В связи с тем, что экономические преступления совершают преимущественно лица, имеющие высокий профессиональный уровень, на фоне цифровизации общественных отношений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий их рост будет неизбежен. Следовательно, только уголовно-процессуальными мерами осуществлять противодействие данной разновидности преступности не представляется возможным, так как доказательственная база по большей части может быть собрана лишь при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Так как речь идёт о цифровизации общественных отношений и использовании информационно-телекоммуникационных технологий при совершении экономических преступлений, особое значение будут иметь компьютерные следы, обнаруженные в результате оперативно-розыскной деятельности, которые могут в себе нести информацию, имеющую доказательственное значение. Именно поэтому стоит рассмотреть порядок и особенности предоставления компьютерных следов по экономическим преступлениям органу предварительного расследования.

Перед этим необходимо разделить компьютерные следы в зависимости от значимости решаемых задач и согласиться со следующим вариантом, предложенным С. В. Зуевым с учетом терминологического несовпадения [7]:

³ Справочная информация: «Перечень национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/ (дата обращения: 07.05.2022).

а) первичная электронная оперативная информация, которая может быть получена оперативным сотрудником при изучении электронной почты, контактов мобильной телефонной связи, SMS-сообщений, интернет-пространства (страниц пользователей социальных сетей, сайтов, порталов) и т.д.;

б) электронная информация, получаемая в ходе оперативно-розыскных мероприятий (наблюдение с применением технических средств фиксации, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, оперативный эксперимент или проверочная закупка, в рамках которых проводилась аудио- и видеозапись) [8].

Также необходимо обратить внимание на то, что, согласно п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, «результаты оперативно-розыскной деятельности – это сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом “Об оперативно-розыскной деятельности”⁴, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда»⁵. Данная формулировка понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» всячески оспаривается рядом учёных, но в связи с тем, что объектом данного исследования являются другие проблемы, носящие прикладной характер, мы будем придерживаться позиции, закреплённой в уголовно-процессуальном законодательстве.

Возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам закреплена в ст. 89 УПК РФ. Следует обратить внимание на формулировку диспозитивной части: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Ряд выдающихся криминалистов считает данную формулировку не достаточно подходящей. Так, А. Ф. Волынский замечает, что «в настоящее время наша страна, пожалуй, единственная даже из бывших союзных республик, в уголовно-процессуальном законодательстве которой фактически создан искусственный барьер во взаимодействии следователя с оперативно-розыскными аппаратами. А как еще можно рассматривать редакцию ст. 89 УПК РФ, в которой как главное – основное положение (с этого начинается ее содержание) обозначается: “В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности...” Правда, далее говорится об условиях, при которых все-таки допускается исключение из

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

этого “правила”. В таком виде она дезориентирует следователей и оперативных работников, негативно сказывается на их взаимодействии, на позитивной мотивации их совместной деятельности, а соответственно, на её результатах», подчёркивает автор [6]. С данной позицией А. Ф. Волынского следует согласиться и дополнить её нижеуказанными выводами.

Действительно, формулировка диспозитивной части, начинающаяся с указания на запрет, ставит определённый барьер и вносит неясность, что можно предоставлять, а что нет. В то же время, если подвергнуть анализу ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», результаты оперативно-розыскной деятельности органу предварительного расследования могут предоставляться в следующих случаях:

- подготовки и осуществления следственных действий;
- для проведения предварительной проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ;
- для использования в доказывании по уголовному делу.

Из данного нормативного правового акта становится понятна цель предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности. При этом стоит понимать различие в предоставлении цифровых носителей (оптические диски, флеш-накопители) и информации, содержащейся на них (аудио-, видеозаписи, фотоизображения, переписка и так далее), а также результатов оперативно-розыскных мероприятий, которые связаны с ограничением конституционных прав, и тех, которые были проведены без ограничения таких прав.

Абзац 4 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в части порядка предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности отсылает к ведомственному нормативному правовому акту, которым является Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г.⁶ (далее – Приказ).

Согласно п. 6 данного Приказа, результаты оперативно-розыскной деятельности предоставляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах оперативно-розыскной деятельности. Думается, стоит более детально рассмотреть порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности со стороны следователя (дознвателя) как субъекта, фиксирующего и оценивающего компьютерные следы, исходя из чего, он делает вывод о содержащихся в них признаках состава преступления экономического характера.

⁶ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. (Зарегистрировано в Минюсте России 5 декабря 2013 г. № 30544) // Российская газета. – 2013. – 13 дек. – № 282.

Следователь (дознатель) при фактическом получении результатов оперативно-розыскной деятельности обязан проверить законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых были и получены предоставляемые результаты, что отмечено в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8⁷. В первую очередь необходимо проверить законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивали конституционные права граждан. С этой целью оперативным сотрудником, предоставляющим результаты оперативно-розыскной деятельности, выдаются, согласно Приказу: заверенная копия судебного решения, которым ограничивается конституционное право гражданина; оригинал постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. При этом следователь (дознатель) должен убедиться, что данные постановления рассекречены (вынесены соответствующие постановления об их рассекречивании) и имеются в списке предоставляемых документов, указанных в постановлении о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности, а также в сообщении о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности.

В рассматриваемой ситуации следует обратить внимание на факты, имевшие место в практической деятельности, возможность возникновения которых нельзя исключить в дальнейшем. Согласно Приказу, сотрудник оперативного подразделения предоставляет именно копию судебного решения и оригинал постановления, вынесенного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. При этом результаты оперативно-розыскной деятельности (в частности, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативный эксперимент) были предоставлены частично, так как еще могли на момент предоставления проводиться, вместе с вышеуказанным оригиналом сопутствующего документа и, естественно, копии судебного решения. При предоставлении оставшейся части результатов проводимого оперативно-розыскного мероприятия, цель которого (предоставление) может быть иной (не для проведения проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ, а для использования в качестве доказывания по уголовному делу), согласно Приказу, необходимо снова предоставлять те же самые документы, которые были уже ранее предоставлены. Фактически это невозможно, так как, например, постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» уже было до этого рассекречено и предоставлено в орган предварительного расследования в оригинале. Получается абсурд, так как второй раз оперативный сотрудник оригинал предоставить не может. В данной

⁷ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 3 марта 2015 г.) // Российская газета. – 1995. – 28 дек. – № 247.

ситуации он либо предоставляет копию данного документа, либо вообще его не предоставляет, что более логично, так как он уже предоставлен и имеется в материале проверки или в материалах уголовного дела. В обоих случаях наблюдается неполное соответствие Приказу. Также повторное предоставление копий судебного решения теряет всякий смысл.

В связи с вышеизложенным, целесообразно в Приказ добавить абзац следующего содержания: «Основание проведения оперативно-розыскного мероприятия, а также копия судебного решения об ограничении конституционного права, в рамках одного и того же оперативно-розыскного мероприятия, предоставляется органу предварительного расследования один раз».

При принятии результатов оперативно-розыскной деятельности следователь (дознатель) также должен обратить внимание на формулировки и их содержание в тексте постановления о рассекречивании и предоставлении. Следует логически разделять цифровые объекты и информацию, содержащуюся на них. Поэтому рассекречены должны быть не только цифровые объекты, но и указанная информация. При предоставлении цифровых объектов в постановлении о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности, а также в постановлении о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, должен быть указан объём сначала рассекреченной, а затем уже и предоставляемой информации. Естественно он должен совпадать не только в постановлениях, но и фактически. В действующем Приказе отсутствует требование об указании объёма предоставляемой цифровой информации, что выглядит неправильным, так как на данное соответствие должен обращать внимание следователь (дознатель).

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным добавить в Приказ абзац следующего содержания: «В постановлении о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну и их носителей, а так же в постановлении о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности, которыми рассекречиваются и предоставляются соответственно цифровые объекты, необходимо указывать объём содержащейся на них информации».

Следующим спорным вопросом, возникающим в практической деятельности при предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности по преступлениям экономической направленности, является подготовка стенограммы предоставляемых аудиозаписей, записанных на цифровых носителях информации. По факту данный процесс связан с переводом имеющихся компьютерных следов в материальные [7], то есть можно говорить о материализации данных следов, так как появляется возможность ознакомиться с информацией, содержащейся на них, без использования цифровых устройств. При этом стоит понимать, что объём данной информации будет неполным, так как материализовать эмоции, интонацию, посторонние шумы в привыч-

ной и понятной письменной форме невозможно. Одновременно с этим следует понимать, что преступления экономической направленности часто носят длящийся характер, совершаются в составе группы лиц по предварительному сговору или в составе организованных преступных групп или даже сообществ, что требует длительного периода документирования, в том числе и в негласном режиме, с использованием всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий. Именно поэтому объём аудиозаписей может исчисляться во временном интервале не часами, а даже сутками, и подготовка стенограмм к ним займёт длительное время. В межведомственном Приказе не указана обязанность предоставлять стенограммы аудиозаписей. При расследовании уголовного дела следователь (дознатель) в ходе проведения осмотра цифрового объекта (оптический диск, флеш-накопитель) в протокольной форме подготавливает стенограмму, что будет иметь уже доказательственное значение. Практика ряда субъектов Российской Федерации складывается таким образом, что где-то сотрудники оперативных подразделений подготавливают стенограмму и предоставляют её в орган предварительного расследования, а где-то это относится к прерогативе следователя (дознателя), но в любом случае следователь (дознатель) производит осмотр цифрового объекта, в ходе которого в протокольной форме будет отмечать стенограмму. Таким образом, именно следователь (дознатель) является ведущим в материализации компьютерных следов, так как стенограмма, предоставляемая оперативными сотрудниками, имеет информационно-ориентирующий характер, но не доказательственное значение, в отличие от протокола осмотра.

Стоит также обратить внимание на оспариваемость возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности, представляемых в виде компьютерных следов в качестве доказательств по уголовному делу. Для лучшего понимания использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам экономической направленности и оспариваемых моментов следует рассмотреть соответствующую судебную практику.

Так, гражданин Р. В. Хамзин оспаривал конституционность ст. 89 УПК РФ, указывая, что следует считать недопустимыми доказательствами результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные оперативными сотрудниками после того, как они были допрошены по уголовному делу, так как приобрели статус свидетелей⁸. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что действительно, согласно п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ судья, прокурор, следователь, начальник органа дознания, начальник подразделе-

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хамзина Рустама Валерияновича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 61, частью первой статьи 62 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 г. № 2601-О // СПС КонсультантПлюс.

ния дознания, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он является свидетелем по данному уголовному делу. Также было отмечено, что собирание доказательств в уголовном судопроизводстве осуществляется посредством производства следственных и иных процессуальных действий, а не посредством оперативно-розыскных мероприятий (ст. 86 УПК РФ). Проведение оперативно-розыскных мероприятий оперативными сотрудниками не означает, что они занимаются производством предварительного расследования и являются дознавателями (ст. 41 УПК РФ). Ст. 56 УПК РФ позволяет допрашивать в качестве свидетелей оперативных сотрудников, если им могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, что также ранее было отмечено в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 года № 1435-О. Конституционный Суд Российской Федерации по аналогичным жалобам неоднократно отмечал, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путём, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона⁹. Рассматриваемая ситуация имеет отношение прежде всего к дополнительно предоставляемым результатам оперативно-розыскных мероприятий, которые

предоставляются с целью использования в доказывании. По временным интервалам данное предоставление, а также само проведение оперативно-розыскных мероприятий, действительно может осуществляться уже после того, как были допрошены оперативные сотрудники. Подобная позиция суда имеет и практическое значение и не подрывает основы оперативного сопровождения при расследовании уголовных дел экономической направленности, так как их специфика такова, что после возбуждения уголовного дела лица, даже имеющие уже статус подозреваемых или обвиняемых, продолжают заниматься данной преступной деятельностью. Анализ показывает, что устоялась практика использования результатов оперативно-розыскной деятельности после придания им уголовно-процессуальной окраски посредством проведения следственных действий. Например, предоставляемый оптический диск с аудиозаписями как результат проведения оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» будет являться доказательством и использоваться в процессе доказывания лишь после проведения следственного действия «осмотр», о чём выше было уже сказано.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

- в настоящее время наблюдается и прогнозируется рост тяжести экономической преступности, её усложнение, что связано с цифровизацией общественных отношений;

- огромное практическое значение в процессе доказывания по уголовным делам экономической направленности имеют компьютерные следы, предоставляемые в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности;

- исходя из практических реалий, необходимо внесение изменений в действующий совместный приказ, регламентирующий порядок предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности;

- анализ судебной практики показал, что сформировалась устойчивая позиция, согласно которой результаты оперативно-розыскной деятельности сами по себе не являются доказательствами, а становятся таковыми лишь после придания им уголовно-процессуального статуса посредством производства следственных действий.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Скворцовой Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями части третьей статьи 56, части второй статьи 63 и пункта 1 части второй статьи 401.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 1435-О // СПС КонсультантПлюс; По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О // СПС КонсультантПлюс; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шкабары Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2013 г. № 497-О // СПС КонсультантПлюс.

Список литературы

1. *Абдуллаева К. Н., Курбанова А. М.* Виды компьютерных сетей и их назначение / Дагестан-IT-2016 : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»; УДПО «Махачкалинский центр повышения квалификации». 2016. – С. 132–136.
2. *Борзенков П. Е.* К вопросу о внедрении категории «виртуальные следы преступления» в систему криминалистики / Современная наука: актуальные вопросы, достижения, инновации : сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2018. – С. 151–154.
3. *Ищенко Е. П.* Криминалистика: главные направления развития / Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. – Иркутск: Издательство БГУЭП, 2012. – С. 201–209.
4. *Кардашевская М. В.* Возможности использования информационных технологий при раскрытии преступлений / Компьютерные технологии в юриспруденции: генезис и перспективы : материалы I Международной межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – С. 62–64.

5. *Колычева А. Н.* Механизм слеодообразования в сетевом пространстве // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – Т. 1. – № 1 (1). – С. 268–274.
6. *Волынский А. Ф.* Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. – 2016. – № 1. – С. 7–11.
7. *Комов А. В.* Понятие и сущность виртуальных следов / Белгородские криминалистические чтения : сборник научных трудов. – Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, 2019. – С. 322–327.
8. Основы теории электронных доказательств : монография / под ред. С. В. Зуева. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – С. 312–313.
9. *Черкасов В. Н., Нехорошев А. Б.* Виртуальные следы в «кибернетическом пространстве» / Судебная экспертиза : межвуз. сб. науч. ст. – Вып. 2. – Саратов: СЮИ МВД России. 2003. – С. 28–33.
10. *Яблоков Н. П.* О некоторых особенностях криминалистической тактики расследования преступлений в условиях цифрового мира / Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам 12-й Всероссийской научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Общественный комитет по защите прав человека», 2019. – С. 372–379.

References

1. *Abdullayeva K. N., Kurbanova A. M.* Vidy komp'yuternykh setey i ikh naznachenije / Dagestan–IT–2016 : sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Makhachkala: FGBOU VO «Dagestanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet»; UDPO «Makhachkalinskiy tsentr povysheniya kvalifikatsii». 2016. – S. 132–136.
2. *Borzenkov P. Ye.* K voprosu o vnedrenii kategorii «virtual'nyye sledy prestupleniya» v sistemu kriminalistiki / Sovremennaya nauka: aktual'nyye voprosy, dostizheniya, innovatsii : sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Penza: MTSNS «Nauka i prosveshcheniye», 2018. – S. 151–154.
3. *Ishchenko Ye. P.* Kriminalistika: glavnyye napravleniya razvitiya / Ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf. – Irkut-sk: Izdatel'stvo BGUEP, 2012. – S. 201–209.
4. *Kardashevskaya M. V.* Vozmozhnosti ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy pri raskrytii prestupleniy / Komp'yuternyye tekhnologii v yurisprudentsii: genezis i perspektivy : materialy I Mezhdunarodnoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2020. – S. 62–64.
5. *Kolycheva A. N.* Mekhanizm sleodoobrazovaniya v setevom prostranstve // Sovremennoye ugolovno-protsessual'noye pravo – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya. – 2019. – Т. 1. – № 1 (1). – S. 268–274.
6. *Volynskiy A. F.* Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: problemy i puti resheniya // Rossiyskiy sledovatel'. – 2016. – № 1. – S. 7–11.
7. *Komov A. V.* Ponyatiye i sushchnost' virtual'nykh sledov / Belgorodskiy kriminalisticheskiye chteniya : sbornik nauchnykh trudov. – Belgorod: Belgorodskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. I.D. Putilina, 2019. – S. 322–327.
8. Основы теории электронных доказательств : монография / под ред. С. В. Зуева. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – С. 312–313.
9. *Cherkasov V. N., Nekhoroshev A. B.* Virtual'nyye sledy v «kiberneticheskom prostranstve» / Sudebnaya ekspertiza : mezhvuz. sb. науч. st. – Вып. 2. – Саратов: SYuI МВД России. 2003. – S. 28–33.
10. *Yablokov N. P.* O nekotorykh osobennostyakh kriminalisticheskoy taktiki rassledovaniya prestupleniy v usloviyakh tsifrovogo mira / Yeniseyskiye politiko-pravovyye chteniya : sbornik nauchnykh statey po materialam 12-y Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Obshchestvennyy komitet po zashchite prav cheloveka», 2019. – S. 372–379.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 07.07.2022.

The article was submitted November 23, 2021; approved after reviewing May 11, 2022; accepted for publication July 07, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.